Разсказъ моей бабушки.

(*Изъ эпохи имп. Николая I*).

Почти во всѣхъ слояхъ еврейскаго общества правительство Николая I не пользовалось ни довѣріемъ, ни расположеніемъ. Его только боялись. Это царствованіе оставило по себѣ глубокій и печальный слѣдъ въ жизни русскаго еврейства. Достаточно сказать, что въ эту эпоху создались институты кантонистовъ, пойманниковъ и штрафныхъ [1]).

Какъ ни печальна была жизнь угнанныхъ неизвѣстно куда дѣтей, родителямъ и роднымъ она рисовалась еще болѣе трагической, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Легенды, небылицы, слухи, перемѣшиваясь съ правдой, наполняли больную душу народа всякаго рода фантастическими представленіями.

Естественно, что при такомъ психологическомъ настроеніи тогдашнее еврейство смотрѣло со страхомъ на всѣ распоряженія правительства, усматривая во всемъ одну цѣль—полное уничтоженіе еврейства. На этой-то почвѣ народная молва, отчасти питаясь бреднями напуганнаго воображенія, отчасти черпая доказательства изъ печальной дѣйствительности, создала слухъ-легенду о будто готовящихся новыхъ указахъ („гзейрахъ“) касательно евреевъ, особенно еврейскихъ женщинъ. Объ одной такой легендарной „гзейрѣ“, выросшей въ условіяхъ тогдашняго крѣпостническаго строя, мнѣ пришлось слышать въ дѣтствѣ отъ моей старой бабушки, окончившей свои земные дни въ Палестинѣ.

Имп. Николай I часто наѣзжалъ въ Бобруйскъ, чтобы лично руководить усовершенствованіемъ крѣпости, въ то

---

[1]) О. Рабиновичъ—„Штрафной“, полн. собр. сочин., изд. Одесскаго О-ва „Трудъ“, СПБ. 1880 г.

время считавшейся первоклассной. Пріѣзды эти, естественно, приводили въ движеніе обычно сонную жизнь провинціальнаго еврейскаго городка. Но одно такое пребываніе вызвало исключительное возбужденіе умовъ горожанъ и особенно горожанокъ.

Это было въ сороковыхъ годахъ. Государь пріѣхалъ въ Бобруйскъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, генераловъ и царедворцевъ. Въ этотъ пріѣздъ было издано распоряженіе, чтобы на пути слѣдованія по городу высокопоставленныхъ особъ ихъ привѣтствовали молодыя горожанки низкими поклонами и кликами. Бобруйчанки, одѣтыя по праздничному, въ опредѣленные часы должны были быть на своихъ мѣстахъ.

Городъ и крѣпость ожили. Обѣды, балы и пикники... Блестящіе фейерверки и сожиганіе бочекъ со смолой, которыя своимъ зловѣщимъ заревомъ наводили какой-то непонятный страхъ на жителей города. Веселились...

Множество дѣвушекъ и подростковъ были награждены въ тѣ дни за красоту и ласку деньгами и знаками отличія. „Точно солдаты на войнѣ“, говорили въ народѣ.

За исключеніемъ низшей части населенія, относившейся къ этому явленію довольно снисходительно, прельщаясь подарками, остальное населеніе города было крайне смущено происходящимъ, и въ этомъ новомъ, необычайномъ явленіи, совершенно незнакомомъ городскому населенію, не знавшему крѣпостническаго строя, былъ усмотрѣнъ новый родъ „газейры“.

Ужасъ предъ неслыханнымъ бѣдствіемъ разлился въ массѣ широкой волной, и въ этой тревожной атмосферѣ стали рождаться нелѣпые слухи; говорили о готовящемся будто указѣ, чтобы еврейскія дѣвушки отбывали натуральную повинность при офицерскихъ командахъ.

Этотъ слухъ вызвалъ среди суетливой, нервной, душевно измученной еврейской массы сильное волненіе. Чтобы обезобразить своихъ дочерей, матери стригли имъ волосы, мазали головы смолой, на тѣлѣ ставили мушки, вызывая нарывы и болячки, въ надеждѣ, что въ такомъ ужасномъ видѣ ихъ дочерей признаютъ непригодными... Разсказываютъ, что раввины, опасаясь „бабьяго бунта“ и предвидя, съ другой

стороны, опасность для народа, въ случаѣ сопротивленія дѣвицъ, составили будто особую молитву, которая-де должна была искупить дѣвичій грѣхъ и предовратить готовящійся указъ, установливавшій jus primae noctis. Все это, конечно, были вздорные слухи, основанные быть можетъ на единичныхъ фактахъ; но страхъ, вызванный слухомъ, характеризируетъ настроеніе еврейскаго населенія.

Не всѣ дѣвушки прельщались подарками, исходившими изъ крѣпости; — были и протестантки. На этой-то почвѣ произошелъ случай, сильно взволновавшій весь городъ.

Былъ субботній лѣтній день. Населеніе высыпало на улицу привѣтствовать царскую свиту, „дорогихъ“ гостей, фланировавшихъ по главной шоссейной улицѣ города, примыкающей къ крѣпости. Все шло обычнымъ порядкомъ. Но вотъ улица заволновалась. Горделиво выступила статная фигура важнаго генерала, въ сопровожденіи адъютанта. Толпа очистила ему дорогу, особенно низко кланяясь, но генералъ угрюмо шелъ впередъ, какъ бы не замѣчая окружающаго, не удостаивая никого своимъ вниманіемъ. Онъ прошелъ уже всю улицу и вступалъ въ крѣпостныя ворота. Вдругъ, сопровождавшій генерала адъютантъ подошелъ къ дѣвушкѣ, стоявшей у крѣпостныхъ воротъ послѣдней, и обратившись къ ней по нѣмецки, сталъ разспрашивать ее объ ея имени, родителяхъ и гдѣ живетъ;— записавъ все это въ карманную книжку и подаривъ на прощаніе дѣвушкѣ золотой, онъ поспѣшивъ къ генералу, успѣвшему скрыться за крѣпостными воротами. Удостоившаяся милостиваго вниманія генерала красавица, которую назовемъ Эстеръ, была дочерью очень уважаемаго и благочестиваго еврея. Что означалъ ласковый разговоръ и подарокъ—всѣ поняли..., и Эстеръ явилась домой вся въ слезахъ и настойчиво, не внимая никакимъ утѣшеніямъ, требовала, чтобъ ее спасли отъ позора. Старикъ отецъ впалъ въ отчаяніе. Но не подчиниться капризу генерала,—значило рисковать собой и дочерью. И вотъ, ища выхода изъ критическаго положенія, отецъ и дочь переодѣлись нищими и съ наступленіемъ сумерекъ покинули городъ.

Едва бѣглецы удалились, какъ въ ихъ домъ явился генеральскій адъютантъ съ приглашеніемъ Эстеръ пожаловать въ крѣпость. Ярости молодого офицера, когда онъ уз-

налъ о бѣгствѣ дѣвушки, не было границъ. Вся полиція была поставлена на ноги, но бѣглецовъ нигдѣ не нашли. Передавали, что Эстеръ была замѣнена другой жертвой, доставленной въ крѣпость подъ именемъ скрывшейся, тѣмъ не менѣе, полиція, не посвященная въ тайны генеральскаго алькова, натворила въ эту ночь не мало горя и непріятностей бобруйскимъ дѣвицамъ, повсюда ища бѣглянку.

Вскорѣ послѣ описаннаго случая свита уѣхала изъ Бобруйска, а бѣглецы нашли себѣ убѣжище въ маленькой деревушкѣ, въ 50-ти верстахъ отъ Бобруйска, принадлежавшей помѣщику Трушановскому, а нынѣ представляющей большее мѣстечко Щедринъ. Есть предположеніе, что поселившіеся бѣглецы положили основаніе этому мѣстечку: за бѣглецами послѣдовали ихъ родные и многіе поклонники старика, усмотрѣвшіе въ бѣгствѣ родъ мученичества.

Передавали также въ видѣ слуха, что спустя нѣкоторое время полиція набрела на слѣдъ мѣстонахожденія Эстеръ и запросила Петербургъ, какъ поступить съ бѣглянкой; но оттуда дали знать, что инцидентъ потерялъ интересъ—Эстеръ была оставлена въ покоѣ.

Провѣряя у старожиловъ Бобруйска эту легенду-быль, я услышалъ ее и отъ престарѣлаго даіона Д. Б., который сообщилъ мнѣ слѣдующее.

Въ Бобруйской крѣпости была одна лишь лавка, содержимая дѣдушкой даіона, Гершономъ Б., прозваннымъ за предоставленное ему исключительное право торговли въ крѣпости „Гершонъ деръ крѣпостнеръ“ Однажды, когда жена Гершона шла со своей дочкой-красавицей изъ крѣпости въ городъ, въ проѣздѣ крѣпостныхъ воротъ имъ повстрѣчалась коляска, въ которой сидѣли важный генералъ со своимъ адъютантомъ. Коляска остановилась и молодой офицеръ, выйдя изъ нея, заговорилъ съ женщинами, разспросилъ объ ихъ именахъ, адресѣ, и, подаривъ на прощаніе молодой Гершонихѣ золотой, передалъ ей приглашеніе вечеромъ явиться въ крѣпость. Въ тотъ же день Гершонъ со своей дочерью покинули Бобруйскъ и поселились въ деревушкѣ близъ города, нынѣшнемъ мѣстечкѣ Щедринѣ.

Этотъ случай, по словамъ даіона, произошелъ въ одинъ изъ пріѣздовъ Николая I въ Бобруйскъ.

Въ заключеніе отмѣчу, что исторія возникновенія м. Щедрина такова.

Въ виду того, что евреи, при отдѣльномъ устройствѣ такъ называемой селибы и занятіи хлѣбопашествомъ, освобождались съ потомствомъ на 50 лѣтъ отъ воинской повинности, община, случайно образовавшаяся въ деревушкѣ Трушановскаго, совмѣстно съ купцами Голодцами, имѣвшими вблизи усадьбу, откупили у помѣщика 43 десятины земли и образовали новую селибу, заселивъ ее хлѣбопашцами и назвавъ ее Щедринъ. Купчую совершили на имя цадика ребъ Менделе Шнеерсона изъ Любавичъ, болѣе извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ Менделе Любавичскій.

Передаютъ, что Мендель, какъ учредитель, еслибы использовалъ этотъ актъ въ личныхъ интересахъ для полученія званія почетнаго гражданина, каковое званіе, при тогдашнихъ особо строгихъ разграниченіяхъ податныхъ сословій, давало много преимуществъ [1]).

А. С. Кацнельсонъ.

---

[1]) Р. Менделе получилъ званіе почетнаго гражданина въ награду за дѣятельность въ качествѣ участника образованной въ Петербургѣ въ 1843 г. раввинской комиссіи. Срв. Цадикъ Мендель Любавичскій, Восходъ, 1905 г., кн. I. *Ред.*